

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

РАССАДОВСКАЯ АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

**МОДЕЛИРОВАНИЕ И ОЦЕНКИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ
КОРРУПЦИОННЫМИ ОЖИДАНИЯМИ, СОЦИАЛЬНЫМ
КАПИТАЛОМ И ДОВЕРИЕМ В ОБЩЕСТВЕ**

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата экономических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
кандидат физико-математических наук,
доцент Аистов Андрей Валентинович

JEL: C51, D73

Москва – 2018

Актуальность исследования

Термин «коррупция» имеет древнюю историю. Согласно некоторым источникам, его ввел Аристотель, обозначая нечто «сломанное» или «испорченное» (о лат. *corruptio* — подкуп, продажность, порча, разложение). Несомненно, что злоупотребление служебным положением в целях личной выгоды, связанные с этим понятием действия других экономических агентов (например, взяточдателей) и многое другое, входящее в современное понятие коррупции, проявлялись еще до Аристотеля, но эти явления остаются актуальными для изучения и сегодня, в частности — с целью оптимизации издержек общества от их негативного влияния.

С учетом сказанного, борьбе с коррупцией уделяется значительное внимание в мире. Об относительной остроте проблемы в отдельных странах можно судить, например, по рейтингу, составляемому международной неправительственной организацией Transparency International. Согласно их Индексу восприятия коррупции (ИВК), Российская Федерация, например, в 2017 году занимала по степени чистоты от коррупции и эффективности антикоррупционных мер 135 место из 180 оцениваемых стран. Данный показатель не меняется для России последние три года. Борьба с коррупцией в России ведется как на государственном уровне (в 2009 г. введен ФЗ «О противодействии коррупции», в 2012 г. подписана «Антикоррупционная хартия российского бизнеса», на 2016–2017 гг. и 2018–2020 гг. утверждены Национальные планы противодействия коррупции), так и со стороны общественных организаций (организованы «Фонд борьбы с коррупцией», 2011 г., проект Общероссийского Народного Фронта «За честные закупки», 2013 г., в марте 2017 года прошли массовые протесты против коррупции в высших эшелонах власти). Национальный план противодействия коррупции предполагает не только формальные меры усиления мониторинга и контроля, но и воздействие на этические и нравственные нормы. Несмотря на ряд принятых мер, в стране наблюдается высокий уровень коррупции, и анализ

коррупционных отношений и причин их возникновения сохраняет свою актуальность для общества.

Следует отметить, что в последние десятилетия наблюдается значительный прогресс в междисциплинарных исследованиях, в которых математические и инструментальные методы применяются для рассмотрения экономических, социологических, психологических, политологических и институциональных явлений, в число которых входит и коррупция. Именно такой подход использован в настоящей работе.

На наш взгляд, исследование взаимосвязей между коррупционными ожиданиями, социальным капиталом и доверием в обществе может иметь как теоретическое, так и прикладное значение. Научная значимость заключается в расширении предпосылок о возможной мотивации экономических агентов к противоправной деятельности в случаях, когда они не обладают абсолютной рациональностью. С практической точки зрения, выявленные взаимосвязи можно применить при формировании антикоррупционной политики, используя возможность влияния на коррупционные ожидания через социальный капитал.

Степень научной проработанности проблемы

В научной литературе можно выделить ряд подходов к исследованию коррупции. В теоретических работах обычно моделируется коррумпированное поведение экономических агентов, в эмпирических выявляются закономерности по странам, регионам, формам коррупции. Исследования можно также разделить на посвященные анализу антикоррупционной политики, причинам возникновения коррупции и её последствиям.

Анализ опыта государств в борьбе с коррупцией представлен в исследованиях Изотовой и др. (2017), Ageev, Kuzmenko (2016), Leak (1999), Meagher (2004). Среди причин успехов и неудач, как правило, отмечают

степень категоричности вводимых мер, состояние экономики и политики, культурные особенности населения.

Описанию социально-политических последствий коррупции посвящены, например, работы Охотского (2009), Галицкого, Левина (2008), Быстровой, Сильвестрос (2000), Luo (2006), Johnston (1986), Nye (1967). С экономической точки зрения коррупция в основном затрагивает общественное развитие и рост, в частности, ограничивая конкуренцию (Лопухин, 2010; Mauro, 1995), или же, напротив, предоставляя возможности для оптимизации экономических взаимодействий, дополняя и замещая несовершенные институты (Левин, 2008; Левин и др., 2011; Ahlin, Pang, 2008; Méndez, Sepúlveda, 2006; Leff, 1964). В рамках измерения экономических последствий коррупции и прогнозирования поведения экономических агентов с целью управления активно используются математические методы постановки и решения соответствующих задач, в частности, построение микроэкономических теоретико-игровых моделей (Ahlin, Pang, 2008; Левин, Цирик, 1998; Угольницкий, Усов, 2014). Экспертные оценки экономических потерь от коррупции для России представлены в исследованиях фонда ИНДЕМ¹.

Среди причин развития коррупции исследователи отмечают низкий уровень развития государственных институтов, недостаточную открытость экономики (Treisman, 2000), неспособность государства оперативно создавать новые институты для рыночной системы, сменившей социализм (Levin, Satarov, 2000; Varese, 1997), а также культурные и религиозные особенности (Porta и др., 1996). Также отмечается связь коррупции с уровнем доверия и экономическим неравенством (Rothstein, Uslaner, 2005), уровнем социального капитала в постсоциалистических странах (Rose-Ackerman, 2001a).

В эмпирических исследованиях коррупции авторы всё чаще обращаются к индивидуальным опросам населения и фирм (см., напр.,

¹ Россия и коррупция: кто кого. Режим доступа: <http://www.indem.ru/corrupt/whoww/>

Андриенко (2002); Svensson (2003)), поскольку коррупция обладает высокой латентностью, и официальная статистика дает заниженные результаты и не позволяет определить причины явления на микроуровне. Макроэкономические показатели уровня коррупции формируются за счет индивидуальных мнений граждан, которые принимают решение об участии или отказе от участия в коррупционных действиях. На принятие этого решения, в свою очередь, оказывает влияние представление индивида об уровне коррупции как характеристике среды осуществления взаимодействия между взяткодателем и взяткополучателем: возможна ли коррупция в данном обществе, как к ней относятся окружающие, насколько строго ведется контроль в этой сфере.

Междисциплинарный подход в данной области анализа предполагает использование формальных математических методов, а также включение в теоретические и эмпирические модели не только формальной материальной мотивации по принципу максимизации ожидаемых выгод и минимизации издержек, но и дополнительных характеристик личности и общества. Например, в исследованиях фонда ИНДЕМ отмечается, что при масштабной коррупции рассмотрение её как рационального действия не является показательным, а более применимыми становятся социальные теории, например, теория аномии (отсутствия норм) Дюркгейма. Однако социальная составляющая включается в анализ преимущественно качественно, обычно на уровне кейсов, и таким исследованиям не хватает формализации (Dasgupta (2000); Uslaner (2008)).

Необходимо отметить, что как в теоретическом, так и в эмпирическом анализе коррупции редко уделяется внимание изучению поведения взяткодателя. Однако, помимо вымогательства взятки должностным лицом, коррупция может принимать форму подкупа, инициируемого взяткодателем, следовательно, необходимо уделять внимание анализу его мотивации. С этой точки зрения интерес представляет изучение не фактов коррупции, а восприятия коррупции на индивидуальном и общественном уровнях. В

частности, требуется понимание механизмов формирования коррупционных ожиданий и возможностей воздействия на них.

Основные определения

Коррупционные ожидания общества представлены в работе формальным показателем восприятия коррупции (англ. corruption perception(s)), основанным на опросах общественного мнения об уровне коррумпированности общества и эффективности мер борьбы с ней. По мнению многих авторов, такой показатель лучше отражает уровень коррупции в стране, по сравнению документированными (раскрытыми и официально озвученными) фактами рентоориентированного поведения.

Социальный капитал общества рассматривается в работе на основе формальных количественных показателей, в том числе, оценке уровня доверия в обществе. Под социальным капиталом в работе подразумевается совокупность связей между членами общества и результат их взаимодействия. Согласно одному из подходов к определению социального капитала, он включает в себя сами сети, нормы и доверие.

Цели и задачи исследования

Цель диссертационной работы состоит в выявлении и определении на индивидуальном и агрегированном уровнях характера взаимосвязи коррупционных ожиданий (как частной формы восприятия коррупции) и социального капитала, в том числе доверия как одной из его форм. Для достижения данной цели решены следующие группы задач.

1. Выполнены эмпирические проверки гипотез о взаимосвязи коррупционных ожиданий с социальным капиталом и доверием в обществе, при этом использованы микро- и макроданные, на которых оценены предложенные в работе новые спецификации регрессионных моделей, позволяющие учесть социальный капитал в качестве объясняющей переменной;

2. Предложена модель сетевого эмпирического анализа в условиях отсутствия динамических (во времени) данных об исследуемой группе, с помощью которой оценена степень влияния социального капитала на распространенность коррупционных ожиданий в группе.

Содержание диссертации

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе на основе проведенного автором обзора и анализа исследований предыдущих авторов, введена терминология, используемая в настоящей работе, рассмотрены возможные взаимосвязи между изучаемыми объектами и сформулированы гипотезы, подлежащие эмпирической проверке, относительно взаимосвязи восприятия коррупции экономическими агентами, социальным капиталом и доверием в обществе.

В научной литературе доминируют следующие утверждения относительно взаимосвязи коррупции и социального капитала: низкое доверие общественным системам сопровождается высоким уровнем коррупции; развитые социальные связи на фоне слабых формальных институтов, например, в постсоциалистических государствах, способствуют росту коррупции; межличностное и общественное доверие имеют разный характер связи с уровнем коррупционных ожиданий.

Однако есть работы, опровергающие некоторые из перечисленных выше закономерностей, например, нет однозначных выводов относительно взаимосвязи горизонтального доверия и коррупции. Кроме того, в существующих исследованиях взаимосвязь коррупции и социального капитала исследуется преимущественно в рамках кейсов или макроэкономических исследований, в то время как микроданным уделяется мало внимания. Сравнительно небольшой объем исследований осуществлен на данных по России и постсоциалистическим странам. Недостаточное

внимание к микроданным также приводит к тому, что мало изучено поведение взяткодателя, в частности, его коррупционные ожидания.

Выполненный обзор литературы говорит о недостаточной проработанности вопроса о мотивах участия экономических агентов в коррупции, что в контексте активной борьбы с коррупцией в России говорит об актуальности настоящего исследования.

В настоящей работе на основе изученной литературы и с учетом недостающих в ней точек зрения, выдвигаются следующие **гипотезы**.

1. Показатели социального капитала находятся в значимой связи с коррупционными ожиданиями (наиболее наглядно это должно проявляться в отношении бытовой коррупции). В существующей литературе есть результаты, касающиеся взаимосвязи социального капитала и фактов коррупции, направление связи в различных исследованиях разное. Задачей настоящей работы является выявление взаимосвязи социального капитала именно с коррупционными ожиданиями и определение направления этой связи.

2. Уровень коррупционных ожиданий и поведение взяткодателя зависят от структуры социальных связей с другими потенциальными взяткодателями, их информационного наполнения и предшествующего опыта участников незаконных сделок. В литературе были найдены результаты, демонстрирующие, что коррупция может быть следствием привычки или общественной нормы, поэтому важно определить значимость окружения в формировании коррупционных ожиданий.

Последующие главы посвящены проверке выдвинутых гипотез как на макроуровне, так и на микроуровне, поскольку индивидуальный выбор зависит от среды, а общественное мнение формируется из частных.

Во второй главе проведена эмпирическая проверка гипотезы о взаимосвязи социального капитала и коррупционных ожиданий, в том числе на бытовом уровне. В целях осуществления этой проверки предложены и обоснованы новые спецификации макро- и микроэконометрических моделей,

на основе которых продемонстрировано, что анализируемая взаимосвязь восприятия коррупции или коррупционных ожиданий и когнитивного социального капитала (доверия) прослеживается на микро- и макроуровне.

На макроуровне получены непараметрические оценки на данных по странам, которые демонстрируют взаимосвязь восприятия коррупции с ключевыми социально-экономическими показателями. При анализе взаимосвязи Индекса Восприятия Коррупции (ИВК, данные Transparency International) и теневой экономики, косвенно отражающей уровень социального капитала, на панельных данных получены значимые различия между странами с переходной экономикой и странами, завершившими переходный период (согласно классификации Всемирного банка). Отмечено также, что между теневой экономикой и коррупцией не всегда наблюдается однозначная комплементарность. Оценена взаимосвязь ИВК и качества формальных институтов как индикатора вертикального доверия (данные Всемирного банка): отмечено, что с ростом большинства формальных институциональных индикаторов происходит снижение коррупционных ожиданий (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Результаты оценки модели с институциональными показателями. Зависимая переменная — ИВК. Панельные данные 2000-2012 гг. Сокращенная таблица: представлена только значимость институциональных показателей. Условные обозначения: RE—случайные эффекты, FE — фиксированные эффекты, «+» — значимо положительно, «-» — значимо отрицательно, «нет» — не значимо. Значимость на уровне 10%.

	Все		Переходная экономика		Остальные	
	RE	FE	RE	FE	RE	FE
Контроль коррупции	+	+	+	+	+	+
Эффективность правительства	+	+	+	нет	нет	+
Эффективность политики	+	+	+	+	+	+
Роль закона	+	+	+	нет	нет	нет
Политическая стабильность	+	нет	нет	нет	нет	нет
Право голоса	-	нет	-	нет	нет	+
Наблюдения	1595	1595	1276	1276	319	319

Источник: оценки автора на основе данных Всемирного банка и данных работы Buehn, Schneider (2012).

Включение в модель различных показателей доверия (данные WVS, см. Таблицу 2) продемонстрировало наличие значимой связи между социальным капиталом и восприятием коррупции. Таким образом, полученные на макроуровне результаты поддерживают подход, согласно которому предлагается рассматривать коррупцию не только как экономическое, но и как институциональное явление.

Таблица 2

*Результаты оценки модели с показателями доверия. Зависимая переменная — ИВК. Панельные данные 1999-2007 гг. Сокращенная таблица: представлена только значимость теневой экономики и показателей доверия: стандартное доверие, внутригрупповое доверие, внешнегрупповое доверие, восприятие честности, неспецифическое доверие. Условные обозначения: *** - значимость на 1%, в скобках указаны стандартные ошибки.*

	Станд.	Внутр	Внешн.	Честн ость	Несп ец.	Обобщ.
Теневая экономика (% от ВВП)	-0,559*** (0,0968)	- 0,723*** (0,152)	- 0,672*** (0,151)	-0,749*** (0,141)	- 0,632*** (0,140)	- 0,589*** (0,151)
Доверие	44,66*** (9,315)	98,18* ** (30,17)	87,71*** (20,23)	53,63*** (18,47)	80,28*** (16,04)	119,3* ** (23,11)
Набл.	660	353	344	358	358	344

Источник: оценки автора на основе данных WVS, Всемирного банка и данных работы Buehn, Schneider (2012).

Оценки на микроуровне, проведенные с помощью logit-модели на основе индивидуальных опросов (данные RLMS-HSE2 2006 г.), учитывают социальный капитал в таких переменных как доверие и отсутствие страха потерять работу. Данные характеристики отражают когнитивный социальный капитал. Оценки модели (см. Таблицу 3) показали незначимость дохода и значимость межличностного доверия, в то время как на макроуровне благосостояние государства оказывается значимым. Предложенные спецификации регрессионных моделей, включающих в анализ коррупционных ожиданий социальный капитал, позволили

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>).

продемонстрировать, что взаимосвязь этих категорий присутствует как на макро-, так и на микроуровне.

Наличие связи между формальными и неформальными институтами было проверено для того же года (2006) на данных European Values Survey. Проведено сравнение распределения ответов о межличностном доверии в России, Украине и странах Евросоюза, в том числе Эстонии, имеющей как социалистическое прошлое, так и членство в Евросоюзе с 2004 года. Для России и Украины наблюдается локальный максимум в области низкого доверия, который не характерен для остальных стран опроса.

Полученные во второй главе взаимосвязи позволяют говорить о значимости институциональной среды для уровня восприятия коррупции.

Таблица 3

Оценка модели неформальной оплаты социальных услуг

Сокращенная таблица: представлена значимость только интересующих показателей. Зависимая переменная указана в шапке таблицы (неформальная оплата в соответствующих учреждениях). Условные обозначения: «+» — значимо положительно, «-» — значимо отрицательно, «нет» — не значимо. Значимость на уровне 15%.

Показатель	ЖКХ	БТИ	Загсы	Милиция	Суд	ГИБДД
Реальный доход	нет	нет	нет	нет	нет	–
Недоверие начальству	+	+	+	нет	нет	нет
Отсутствие страха потерять работу	нет	–	–	–	–	+
Пол (женский)	нет	нет	нет	–	нет	нет
Семейное положение (не женат / не замужем)	нет	–	нет	нет	–	нет
Наличие подчиненных	нет	–	нет	+	нет	нет
Работа в гос. организации	нет	–	нет	нет	+	нет

Источник: оценки автора на данных RLMS-HSE.

В третьей главе проведен анализ взаимосвязи коррупционных ожиданий и структурного социального капитала (сетей) на микроуровне, а именно — проведена проверка гипотезы об изменении уровня восприятия коррупции в зависимости от структуры социальных связей. Для этого предложен метод оценки влияния структурного социального капитала на уровень распространенности коррупционных ожиданий с учетом характеристик социальной сети в отсутствие динамических наблюдений.

Структура социальной сети даёт возможность осуществить количественную оценку социального капитала соответствующей социальной группы и предложить формальную процедуру её идентификации.

Предлагается оценивать уровень социального капитала и его связь с коррупционными ожиданиями на основе структуры социальной сети, где члены анализируемой группы — вершины графа, а социальные связи — ребра. Следуя Adali (2010), принимается во внимание частота, направление и цель взаимодействий между узлами. Поскольку для каждой рассматриваемой сети характерна своя плотность ответов респондентов, с помощью предложенного в работе алгоритма осуществлен выбор вопросов анкеты для построения соответствующего графа. Цель алгоритма состоит в том, чтобы полученный граф состоял из одной компоненты связности.

Предложенный метод заключается в следующем. Пусть $\theta_i \in [0, 1]$ — индивидуальная характеристика агента i , отражающая его (субъективный) уровень коррупционных ожиданий; A — матрица смежности рассматриваемого графа (с элементами a_{ij}); \tilde{A} — нормированная для каждого узла по числу

исходящих ребер матрица с элементами $\tilde{a}_{ij} = \frac{a_{ij}}{\sum_{k=1}^n a_{ik}}$; \tilde{A}^T — нормированная для каждого узла на число входящих ребер транспонированная матрица

соответственно. Тогда взаимное влияние агентов в рамках их социального взаимодействия предлагается оценивать следующей системой уравнений:

$$\theta = \alpha \tilde{A} \theta + (1 - \alpha) \tilde{A}^T \theta + \varepsilon, \quad (3)$$

где θ — вектор-столбец характеристик размерностью $1 \times n$, n — число узлов в сети; α — скалярный вес исходящих ребер, $(1 - \alpha)$ — соответствующий вес входящих ребер, то есть сила влияния признаков соответствующих узлов на признак заданного узла, общая для всей сети; ε — вектор индивидуальных отклонений от общей для сети закономерности.

Величина параметра α определяет общую для заданной сети меру взаимного влияния индивидов друг на друга в условиях достижения

стационарности, а ε — удаленность текущего состояния системы от стационарного, когда индивидуальные компоненты, по мере взаимодействия агентов друг с другом, станут пренебрежимо малы. Таким образом, формальная задача идентификации параметра α может быть сведена к минимизации нормы ε , а полученные оценки, при условии близости групп к стационарному состоянию, характеризуют, насколько велика роль исходящих связей по сравнению с входящими. Практическое применение полученных оценок состоит в определении значимости общественного мнения в исследуемом обществе и ключевых индивидов, воздействие на которых может изменить динамику распространения признака в группе.

Эмпирический анализ с помощью предложенного метода осуществлен на основе составленного опросного листа и проведенного анкетирования. Первая часть анкеты содержит комплекс вопросов для определения структуры социальной сети («С кем совместно занимаетесь спортом?», «Кто помогает Вам в учебе?» и др.). Вторая часть анкеты посвящена измерению коррупционных ожиданий респондентов, включая их общее отношение к явлению коррупции в обществе, «степень готовности» принять участие в коррупционном преступлении, осознаваемая мера ответственности за такие преступления и т.п.

Анкетирование проведено автором в 2014–2015 гг. в ВУЗах четырех российских городов: Нижний Новгород (1 опрос), Санкт-Петербург (2 опроса), Владивосток (2 опроса) и Воронеж (1 опрос). Каждый из опросов проведен для относительно локализованной социальной группы (студенты одного курса одного факультета либо студенты одной учебной группы), всего 6 отдельных (локализованных) групп. Средний возраст опрашиваемых 20–22 года, суммарный объем выборки — 370 человек.

Исследование восприятия коррупции молодежью также обладает определенной ценностью. Во-первых, за неимением личного опыта молодые люди, скорее всего, основывают свое мнение на информации и мнении, которое поступает к ним извне как результат социальных взаимодействий.

Во-вторых, такое исследование позволит говорить о перспективах борьбы с коррупцией, поскольку именно молодежь через несколько лет будет составлять основную массу экономически и социально активных граждан.

На основе ответов респондентов сформированы три группы прокси-переменных для коррупционных ожиданий, каждая из которых агрегирует информацию из нескольких вопросов анкеты:

- 1) личная лояльность респондента к коррупции;
- 2) оценка респондентом уровня коррумпированности общества;
- 3) уровень поиска респондентом оправдания для коррупционных действий.

Оценки проведены для каждой прокси-переменной отдельно. Полученные значения параметра влияния α по исследуемым группам оказались различны, вероятно, как вследствие удаленности групп от стационарного состояния, так и вследствие их различных начальных характеристик. Предложенный метод можно использовать для дальнейшего тестирования аналогичного распространения признаков в группе, причем возможное применение не ограничивается оценкой коррупционных ожиданий, а может также быть использовано в исследованиях, где рассматриваются иные эффекты среды (peergroupeffects) — например, Poldin и др. (2016), Ahern и др. (2014), Gaviria (2001). Дальнейшее развитие метода целесообразно сфокусировать на исследовании характеристик групп, которые оказывают значимое влияние на значение параметра (плотность сети, начальное распределение характеристик).

Таким образом, в работе получены следующие *основные результаты*.

1. Предложенные спецификации эконометрических моделей позволили выявить отрицательную взаимосвязь уровня восприятия коррупции с уровнем благосостояния, положительную взаимосвязь уровня восприятия коррупции и слабости формальных институтов на эмпирических данных по странам. Получены новые эмпирические результаты, подкрепляющие гипотезу о том, что восприятие коррупции может находиться не только в прямой, но и в обратной связи с объемом теневой экономики. Этот вывод позволяет говорить о том, что природа коррупции может отличаться, и в одних случаях она является следствием недостаточного, а в других — избыточного контроля рынка. Выявлены существенные различия между восприятием коррупции в развитых и постсоциалистических государствах, в том числе связанные с разным качеством формальных и неформальных институтов и особенностями исторического развития стран — например, социалистическим прошлым. Выявлена большая значимость неформальных институтов (доверия) по сравнению с формальными.

2. Предложены спецификации микроэконометрических моделей, учитывающих в анализе коррупционных ожиданий когнитивный социальный капитал (доверие). Эмпирические оценки на российских данных показали, что, в отличие от моделей коррупции, основанных на теории выгод и издержек, а также результатов, полученных в ходе анализа данных по странам, доход индивида (рассматриваемое обычно в теоретических моделях как бюджетное ограничение) оказывает небольшое влияние на принятие им решения о готовности давать взятку, а ключевыми факторами являются институциональные — в частности, выявлена значимая связь между доверием и уровнем восприятия коррупции на индивидуальном уровне.

3. На основе предложенного метода эмпирического анализа распространенности коррупционных ожиданий с учетом показателей структурного социального капитала (сетей) в отсутствие динамических (во времени) наблюдений по сети продемонстрировано, что окружение индивида

может оказывать значимое влияние на его отношение к коррупции, поэтому включение социального капитала в микроэкономический анализ является целесообразным для изучения распространения коррупционных ожиданий. Данный метод может также быть применен к анализу других форм девиантного поведения и иных явлений, испытывающих эффекты влияния среды (peer group effects).

Научная новизна

1. В работе с помощью предложенного комплекса формальных математических и аналитических методов проверены гипотезы относительно взаимосвязи восприятия коррупции экономическими агентами (в том числе коррупционных ожиданий как вида восприятия коррупции) и социального капитала (в том числе доверия как составляющей социального капитала).

2. Непараметрический анализ данных по странам и применение новых спецификаций регрессионных моделей, учитывающих социальный капитал, позволили обосновать историческими, экономическими и институциональными характеристиками государств различия в восприятии коррупции экономическими агентами;

3. Анализ микроданных по коррупционным ожиданиям с помощью новой спецификации регрессионных моделей с учетом когнитивного социального капитала подтвердил взаимосвязь коррупционных ожиданий и социального капитала;

4. Применение предложенного математического метода оценки параметра взаимного влияния членов общества друг на друга на основе системы уравнений дало количественные оценки меры влияния структурного социального капитала на распространенность коррупционных ожиданий.

Список опубликованных статей

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Аистов А. В., Рассадовская А. В. Бытовая коррупция в России: эмпирические оценки на основе неспециализированных опросов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 9-18.

2. Аистов А. В., Рассадовская А. В. Экономические и неэкономические взаимосвязи коррупционных ожиданий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 2. С. 220-236.

3. Рассадовская А. В. Влияние социального капитала на восприятие коррупции в группе // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. №2 (50). – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 16–24.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации

4. Рассадовская А. В., Аистов А. В. Отношение россиян к низовой коррупции. Анализ микроданных // В кн.: Материалы XX Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013». М.: МАКС Пресс, 2013.

5. Rassadovskaya Anastasia, Aistov Andrey. Comparative analysis of corruption perception and trust in Russia, other post-soviet countries and European Union, in: Russian Summer School on Institutional Analysis – Research Projects 2013. М.: Higher School of Economics Publishing House, 2013. P. 117-119.

6. Аистов А. В., Рассадовская А. В. Доверие и отношение к коррупции: анализ социальной сети студентов // В кн.: Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 37-ой Международной научной школы-семинара, г. Сочи, 30 сентября - 5 октября 2014 г. / Под общ. ред.: В. Г. Гребенников, И. Н. Щепина. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. С. 304-307.

7. Rassadovskaia A. V., Aistov A. V. Corruption Perceptions In Russia: Economic Or Social Issue? / NRU Higher School of Economics. Series WPBRP "Economics/EC". 2014. No. WPBRP 57/EC/2014.

8. Аистов А. В., Рассадовская А. В. Коррупционные ожидания и доверие к социальным институтам // В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 11-21.

9. Аистов А. В., Рассадовская А. В. Взаимодействие внутри социальных групп как фактор влияния на уровень коррупции в моделях очередей // В кн.: Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 38-ой международной научной школы-семинара, г. Казань, 2 – 8 октября 2015 г. Воронежский государственный педагогический университет, 2015. С. 329-332.

10. Аистов А. В., Рассадовская А. В. Сетевой анализ индивидуального и группового отношения к коррупции на примере студенческих групп // В кн.: Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 39-ой международной научной школы-семинара, г. Санкт-Петербург, 30 сентября – 6 октября 2016 г. Воронежский государственный педагогический университет, 2016. С. 307-310.